

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERARY CRITICISM

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ: ТИПОЛОГИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКА / THE PROBLEMS AND POETICS OF LITERATURE: TYPOLOGY AND COMPARATIVE STUDIES

Т. Г. Чеснокова

*Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
tchesno@bk.ru*

СПОР ВРЕМЕН ГОДА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА: АЛКУИН И ШЕКСПИР

Аннотация. Предмет статьи – мотив состязания времён года, рассмотренный на примерах «Словопрения Весны с Зимой» Алкуина и лирической концовки комедии У. Шекспира «Бесплодные усилия любви». Компаративный анализ выполнен на основе принципов исторической поэтики.

Укоренённый в фольклорных архетипах, «дебат» олицетворённых времён года получил литературную обработку в латинской эклоге Каролингского ренессанса. Проникновение ритуальной перебранки в средневековую учёную словесность состоялось на фоне слияния культурно-политических задач каролингской монархии с традициями «школьной» латинской поэзии, не пренебрегавшей панегирическими целями. Оттакаясь в «Словопрении» от состязательных мотивов третьей эклоги Вергилия, каролингский поэт приспособил «миротворческую» структуру последней к актуальным задачам прославления государства, двора и его первых лиц, вследствие чего состязание оказалось подчинено мотиву ритуального изгнания тёмных сил. Однозначность победы Весны над Зимой подкреплялась возвращением от миролюбивого идеала римского классика к жёсткости обрядовых оппозиций.

Возникшая на стыке придворной и школьной культуры и обогащённая фольклорным влиянием, эклога Алкуина способствовала закреплению архетипа «дебата» в средневековой поэзии, что создало почву для его пародийного использования в новых культурных контекстах. Примером служит лирический финал комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви», представляющий собой переключку «сезонных» песен.

В «Словопрении» Алкуина «дебат» составлял центральную часть самостоятельного целого. В комедии Шекспира он переместился на

периферию драматической структуры в качестве «вставного» лирического элемента, но сохранил связь с её художественно-смысловым ядром – темой «бесплодных» попыток победы над временем. Грубоватость фольклорного поношения уступила при этом место формальному равновесию, осложнённого иронической многозначностью, а декоративный аллегоризм сменился метафорической образностью, сосредоточенной вокруг ренессансной «антропологической» метафоры вселенной.

Архетипический мотив состязания времён года сохранил своё значение в литературе и за пределами лирико-драматических традиций Средневековья и Ренессанса. В русской поэзии он возродился в тютчевском стихотворении «Зима недаром злится...», приобретшем репутацию хрестоматийного и содержавшем новую версию старой модели.

Ключевые слова: поэтический «спор», мотив, архетип, Вергилий, Алкуин, Шекспир.

Состязание (спор, агон) – один из древнейших обрядовых элементов культуры, вошедший в структуру жанров древнеаттической комедии и пасторальной эклоги и оказавший влияние на различные формы ораторского искусства. Этот древний мотив пришёл к нам по вкусу и греческим, и римским классикам, проявлявшим большую изобретательность в выборе декораций поэтического «дебата»: от буколической сени дубрав (в идиллиях Феокрита и эклогах Вергилия) до подземного дворца Аида (где разворачивается тяжба великих трагиков – Эсхила и Еврипида в «Лягушках» Аристофана). Предмет и задачи спора в традиционной культуре достаточно разнообразны: дискуссия иной раз ведётся ради оттачивания самого навыка диалектической логики (в риторических и грамматических школах), а иногда (в частности, для провансальских трубадуров) является способом заявить о своей принадлежности к направлению, стилю, демонстрируя в то же время умение воспроизводить формальные особенности поэтической речи противника (по условиям жанра тенсоны). Во всех этих видах поэзии и риторической прозы находит реализацию сходная модель «перебранки», имеющая глубокие фольклорные корни. Одним из её воплощений служит спор времён года, родившийся в рамках обряда проводов Зимы и нашедший продолжение в лирической европейской поэзии от Алкуина до Ф. И. Тютчева.

Несмотря на древние корни ритуального «ухуления» Зимы, сопровождаемого её перебранкой с приходящей на смену Весной, в европейскую литературу этот мотив проникает сравни-

тельно поздно – в период Средневековья. «Литературный» дебат Весны и Зимы формируется в культурном пространстве одного из так называемых малых средневековых «ренессансов» – Каролингского возрождения конца VIII–IX в.

Служа выражением культурной политики Карла Великого (742?–814) и его ближайших потомков, Каролингское возрождение несло на себе бремя политических задач каролингской монархии (с 800 г. – империи). Приняв из рук папы Льва III императорскую корону, Карл Великий связал свою завоевательную политику с идеей возрождённой империи Римского Запада. Последняя мыслилась как наследница политических, религиозных и культурных традиций позднего Рима, и Карл приложил все усилия, чтобы поддерживать идеологическую видимость близкого сходства.

Управление столь обширным государственным образованием с населением, говорившим на разных языках, требовало разветвлённого управленческого аппарата и единого языка. Лучше всего на эту роль подходила латынь – язык прежнего, «возрождаемого» Карлом Рима. Знание латыни при Карле становится обязательным для королевских чиновников в центре и на местах. Обучение светским наукам (начиная с грамматики) превращается в одну из главнейших задач придворной школы, вокруг которой группируются представители первого поколения деятелей Каролингского ренессанса. Усвоению правил латинской грамматики должно было способствовать чтение оригинальных текстов и овладение навыком подражания им. Этот навык в дальнейшем мог применяться и за пределами школы, что открывало дорогу самостоятельному развитию классических римских традиций на каролингской почве.

Во главе вышеописанной культурной политики стоял кружок образованных книжников, возглавляемый Карлом и получивший греческое название «Академии». Одним из её наиболее видных участников стал англосакс Алкуин (или Алхвин), также именовавший себя по-латыни Альбином. Ему с некоторой долей сомнения [Гаспаров 2006: 119] приписывается авторство любопытного образца каролингской поэзии «Словопрения Весны с Зимой» (*Conflictus Veris et Hiemis*, 782–789/790), представляющего собой смесь учёного панегирика, фольклорных мотивов и подражания античному жанру эклоги.

Композиционно отточенное, стихотворение имеет трехчастную форму: в центре – диалог-«словопрение» аллегорических

персонажей, вокруг диалога – «рамка» из повествовательного пролога и риторического заключения, окрашенных в буколические тона. Героями «рамки» являются пастухи во главе с их старейшиной Палемоном.

Пастушеский круг собирается, чтобы призвать и прославить кукушку – вестницу Весны. Первые строки посвящённого ей гимна (вложенные в уста самой олицетворённой Весны) наталиваются, однако, на сопротивление завистницы Зимы, которая бранью пытается воспрепятствовать встрече нового времени года. Преширительствам «гениев» двух сезонов кладет конец пастушеский «мир». Свой и общий вердикт произносит «с *высокого трона*» («*sublime e sede*») Палемон, прогоняя злодейку-Зиму и привечая «*кукушку-красу*» (зд. и далее пер. Б.И. Ярхо) [Алкуин 2006: 125–126, зд.: 125] – «*dulce decus, ciculus*» [The Latin Library 2000: <http://www.thelatinlibrary.com/alcuin/conflictus.shtml>].

Диалог Весны и Зимы в «Словопрении» Алкуина развёрнут с большим мастерством и напоминает одновременно «амебейное пение» античных буколик и фольклорную перебранку (к которой в конечном счёте восходит и амебейное пение пасторали). Реплики спорящих сторон формально уравновешены, но финальное поражение Зимы предопределено её «проигрышной» ролью завистницы и хулиательницы, которая тщетно пытается удержать свою власть вопреки естественному ходу вещей.

Неизбежность победы Весны подчеркнута также обрядовой целью пастушеского собрания. Пастухи собираются не для того, чтобы выяснить, кто из спорящих прав, но ради праздничного приветствия и торжественных славословий кукушке. Зима в свою очередь пытается «отменить» настойчивые призывы весеннего «гения»: «*Opto meus veniat ciculus*» («*Пусть же кукушка моя возвратится*») своим ритуальным «запретом»: «*non veniat ciculus*» («*Пусть не вернется совсем*»). Это противодействие праздничному ритуалу заканчивается взаимными обвинениями участников спора, перерастающими в классическую «перебранку».

В перебранке обозначаются противоположные предпочтения Весны и Зимы, сосредоточенные в антитезах упорного труда и ленивого покоя, бедности и богатства, подчинения и господства. Пытаясь унижить кукушку, Зима напоминает, что с появлением этой птицы начинается пора весенних работ, наступает время раздоров и войн, которые нарушают «любимый покой» («*requiet <...> amatem*»). Тяготам весенней поры она противопоставляет счастливое безделье и «*веселые пирушества*» («*convivia laeta*») зимних

вечеров, а в заключение называет Лето с Весной своими «рабами» («*servi*»), которые вынуждены гнуть спину, послушно неся повелительнице полученный урожай. Весна в свою очередь обвиняет Зиму в лени и потакании пьяному разгулу, переворачивая с ног на голову величавый образ «царицы»-соперницы. Последняя изображается «хвастливой» (или «чванной» «*superbus*») «побирушкой» («*pauper inopsque*»), кормящейся от щедрот своих благодетелей – Весны и Лета. Эта убийственная оценка скрепляется приговором, звучащим из уст Палемона: старейшина (или царь) пастухов провозглашает окончание царства Зимы и произносит кукушке здравицу, тем самым заканчивая приветствие, завистливо прерванное Зимой.

Сочетание буколической рамки с фольклорной «начинкой» в структуре Алкуинова «Словопрения» не исключает способности пасторального диалога служить аллегорическим зеркалом придворной жизни. Образ царственного пастуха Палемона, вероятнее всего, отсылает непосредственно к Карлу, имя Дафниса предположительно является пастушеским «псевдонимом» кого-то из более юных членов королевской семьи, а вся буколическая картинка, возможно, служит намёком на действие в классическом стиле, разыгранное в придворном кругу (см. подробнее о гипотетических прототипах и обстоятельствах написания «Словопрения»: [Ненарокова 2012: 40, 111, 298]).

«Словопрение» не лишено и собственно античных аллюзий, в ряде моментов сближаясь с третьей эклогой Вергилия [Ненарокова 2012: 40]. Композиционным центром вергилиевской буколки является перебранка двух персонажей: пастухов Дамета и Меналка, чей спор разрешает более мудрый третейский судья, носящий, как и старейшина в «Словопрении» Алкуина, имя Палемон. Тем не менее, «Словопрение Весны с Зимой» – самостоятельное произведение, совсем не похожее на вергилиевский образец. Оно значительно меньше по объему, а его композиция, сосредоточенная вокруг центрального элемента (спора), намного проще.

В 3-й эклоге Вергилия перебранка не прерывает плавного течения ритуала и не является его частью, а предваряет обряд поэтического «дебата», завершаемый показательным примирением. «Прение» у Вергилия проходит в два разных этапа, включая комичную «реалистическую» брань и условный поэтический диспут, изобилующий мифологическими образами и пышными сравнениями. «Конструктивная» роль перебранки – в том, что

она подталкивает Меналка и Дамета к пению «на́ спор», переводя их забавное препирательство в русло изящного певческого состязания.

На этой почве, однако, сам повод для дальнейшего выяснения отношений иссякает. Палемон признает юношей равными в мастерстве, добродушно иронизируя над их поэтической наивностью и хвастливой вычурностью слога. Объявив себя недостойным судить столь «умелых» певцов, он ненавязчиво возвращает участников спора к их повседневным заботам, оставленным в погоне за «славой»: *«Нет, такое не мне меж вас разрешать состязанье. / Оба телицы равно вы достойны, – и каждый, кто сладкой / Не убоится любви, а горькой не испытает. / Время, ребята, закрыть канавы, луга утолились»* (Вергилий, эклога III, 108–111; пер. С. Шервинского) [Вергилий 2000: 38]. В оригинале: *«Non nostrum inter vos tantas componere lites: / et vitula tu dignus et hic et quisquis amores / aut metuet dulcis aut experietur amarus. / claudite iam rivos, pueri; sat prata biberunt»* [The Latin Library 2000: <http://www.thelatinlibrary.com/vergil/ec3.shtml>]. Снисходительная отстранённость этого вердикта не должна заслонить от нас того факта, что стихия поэтического спора в вергилиевской эклоге побеждает стихию вражды, воплощая в себе гармонизирующую функцию творчества. Брань уступает место поэзии, а поэзия, придав «окультуренную» – гармоничную форму вульгарному препирательству, в итоге кладёт ему предел.

В «Словопрении Весны с Зимой» подобное примирение невозможно. Спорящие в эклоге не пастухи (пребывающие в единстве и мире под мудрым правлением Палемона), а олицетворенные силы Природы, каждая из которых утверждает свои преимущества в ущерб другой. Перебранка остаётся здесь неотъемлемой частью самого ритуала – встречи Весны и изгнания Зимы. Итогом пастушеского обряда является не компромиссное решение третьей стороны, а безоговорочная поддержка одной из сторон всем пастушеским «миром». Благодаря этой однозначной позиции «Словопрение» возвращает читателя к фольклорным корням весеннего ритуала, отталкиваясь от идеала «золотой середины», нашедшего выражение в вергилиевских «Буколиках».

Возникшая на стыке придворной и школьной культуры и обогащённая фольклорным влиянием «весенняя» эклога Алкуина, будучи «первым средневековым стихотворением-дебатом» [Соорер 1977: 13]), способствовала закреплению воплощённых в

ней литературных моделей в средневековой поэзии и в практике школьных «подготовительных упражнений». Средневековые поэты (в их числе – педагоги и ученики «грамматических школ») и позже будут участвовать в «птичьих» дебатах, олицетворяющих спор Зимы и Весны. Традиции этих поэтических диспутов обретут новые формы в эпоху Ренессанса – там, где сферы придворной и школьной словесности вновь получают возможность соприкоснуться с демократическими традициями фольклора и городской народной культуры. Результат не замедлит явиться в иронической форме «учёной» пародии, остроумно осмеивающей школьную версию фольклорного состязания. Такой пародией по праву считаются песни Кукушки и Совы, завершающие действие шекспировской комедии «Бесплодные усилия любви» (сер. 1590-х). В работах начала 2000-х гг. мы уже обращались к анализу этого лирико-драматического диалога, рассматривая его в контексте развития ренессансной пасторали [Чеснокова 2000: 87–91] и в сопоставлении с некоторыми элементами образной системы «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Пир во время чумы» [Чеснокова 2001: 83–85]. В настоящей статье мы сосредоточимся на характеристике эстетического и культурного своеобразия шекспировской трактовки архетипа обрядовой «перебранки» с учётом гипотез о пародийном использовании драматургом сюжетных мотивов школьной драмы [Lennam 1973: 54–60] и о центральном значении «принципа дебатов» в идейной структуре «Бесплодных усилий любви» [Кереселидзе 1980: 30].

В наследии Шекспира упомянутая пьеса наиболее тесно связана с традициями школьной драматургии и одновременно – с обычаями придворных аллегорических представлений (пьес «масок»). «Птичий дебат» в сюжетном пространстве комедии представляет собой учёную «шутку» самодовольных педантов (учителя и священника), вдохновлённых желанием молодого правителя Наварры превратить королевский двор в подобие философской «академии». Для развлечения царственного главы «мудрецов» при деятельном участии учёных мужей готовится представление нравоучительной пьесы о девяти героях, венчаемой поэтическим состязанием весеннего и зимнего «гениев». С самого начала, однако, ход любительского спектакля нарушается насмешливыми остротами приближённых монарха, обнажающими всю глубину различий между «школьной» поэзией знатоков и манерно-изысканными кусками двора. На этом фоне птичья «дуэль», вместо того чтобы стать вершиной триумфа

абстрактной учёности и символом единения науки и власти, оказывается знаком несостоятельности как учёных педантов, так и присяжных остроумцев из королевского окружения в их общей претензии на интеллектуальное превосходство.

В строении птичьего дебата Шекспир сохраняет некоторые признаки традиционного певческого состязания, но отказывается от устойчивой модели «амебейного пения», характерной для жанра эклоги. Вместо этого он создает разновидность «парного» стихотворения (стихотворного диптиха), распадающегося на две взаимосвязанные части. Алкуиновская заклочка изъята из структуры «дебата», а «рамочная» сцена (изображающая пастухов во главе с их «старейшиной») закономерным образом вынесена за пределы лирического фрагмента, будучи частью наглядно воспринимаемой сценической ситуации (король и придворные – в роли третейских судей). Впрочем, если в античной и средневековой поэзии судья заведомо объективен (что подчёркивается его почтенным возрастом и/или высоким общественным статусом), то в шекспировской пьесе придворные «зрители» (как в силу молодости, так и вследствие очевидной предвзятости суждений) лишены монополии на истину. Устойчивая (фольклорно-традиционалистская) система координат в силу этого рушится, а обобщённые ценности Весны и Зимы перестают укладываться в стройную иерархию (обусловленную ритуальной интерпретацией прихода Весны как торжества светлых сил над тьмой). В итоге изгнания «злой» Зимы не происходит, а персонажи, выслушав пение весенней и зимней птиц, расходятся «кто куда» («Бесплодные усилия любви», V. II¹, зд. и далее пер. Ю. Корнеева) [Шекспир 1958: 512] – «*You that way: we this way*» [Shakespeare 1994: 244].

Ироническая незавершённость (или, скорее, неразрешимость) лирического «дебата» показывает, что фольклорная схема не столько адаптируется Шекспиром для собственных нужд (как это было у Алкуина, подчинившего жанровую структуру эклоги задачам придворного панегирика), сколько иронически обыгрывается, размыкаясь в более широкий контекст – контекст универсальной взаимосвязи различных этапов земной человеческой жизни. Реализуясь как ренессансная «норма» гармонии, подобная связь препятствует абсолютизации какого-либо из частных моментов природного цикла. Абсолютом (или намёком

¹ Здесь и далее при цитировании драматических произведений первая римская цифра обозначает акт (действие), вторая – сцену (явление).

на абсолют) служит здесь более сложное целое, способное обнаружить себя лишь в проекции времени, а не одновременно (и главное – не «преждевременно»). В рамках этой концепции совершенный момент бытия (или выход из времени в вечность) вполне достижим, но лишь как итог развёрнутого самоосуществления индивидуальной природы на завершённом отрезке времени (подобном годичному циклу).

В сюжетном пространстве отмеченная незавершённость спора находит близкое соответствие в развитии драматической ситуации, демонстрирующей комически-плачевные последствия «несвоевременных» решений героев комедии. В начале пьесы четверо знатных наваррцев (во главе с королем) выражают решимость замкнуться от мира и снискать себе славу великих мудрецов, учредив «академию» и отказавшись на три года от светских развлечений и женского общества. За этот срок (символически выражающий их стремление к совершенству) герои рассчитывают подняться к вершинам философского знания, подготовив свой дух к столкновению с чувственными соблазнами повседневного мира. Эта затея, однако, немедленно вынуждает Фердинанда Наваррского поправить законы гостеприимства, предоставив высокородной гостье (дочери французского короля) шатёр «в чистом поле» вместо положенных ей покоев королевского замка. Вопиющая грубость приёма, оказанного Принцессе и её приближённым, между тем, не спасает незадачливых «академиков» от «сладкой отравы» девичьих чар, так что в итоге приверженцы аскетической философии превращаются в самых неистовых искателей любовных утех. Дамы, однако, не торопятся вознаградить страстный пыл переменчивых юношей. Вместо того чтобы «в последнюю минуту» («*at the latest minute of the hour*», V.II [Shakespeare 1994: 243]) заключить с Фердинандом брачную сделку, Принцесса назначает главе «академиков» испытательный срок: двенадцать «природных» месяцев, в течение которых король-философ сможет проверить глубину своих чувств. Аналогичное условие ставят поклонникам и придворные дамы Принцессы.

Круг событий, тем самым, возвращает героев к исходной точке, предоставляя им шанс преодолеть обе крайности: женоненавистнической учёной аскезы и напыщенной позы галантного «вежества». Самоограничение из способа обретения воображаемой мудрости превращается в орудие испытания, или (скорей) воспитания разума, воли и чувств – в пределах закономерной

последовательности физического и нравственного «роста», соотнесённой с естественным ходом вещей.

Вышеописанную коллизию иронически комментирует поэтический «дебат» Кукушки и Совы. В отличие от застывшего в форме учёной аллегии театрализованного шествия («пэджента»²) девятерых героев, птичий концерт представляет собой более утончённую адаптацию школьной поэзии к вкусам придворных – повзрослевших и ставших мудрее, испытывав за короткое время любовь и отказ. Заменой приёмам учёного спора, а вместе с ним и фольклорной перебранки, становятся в песнях двух птиц зеркально противопоставленные «картинки» противоположных времён года, что приближает шекспировский диалог к классической форме «идиллии» (в значении близком первоначальному смыслу). В результате как щедрые дары, так и потенциальные угрозы морозной и тёплой поры предстают здесь не в форме каталога положительных и отрицательных свойств, хвастливо или, напротив, завистливо перечисляемых традиционными «гениями» Весны и Зимы, но в качестве ярких штрихов живописного пейзажа, воплощающего в себе обобщённый «сезонный» душевный настрой.

Соотношение «плюсов» и «минусов» каждого времени года, иными словами, выявляется не в прямом диалоге, где скрытая («теневая») сторона декларируемых достоинств эксплицируется насмешливой бранью противника, но в эстетической самодостаточности соотнесённых картин, по природе амбивалентных, что придаёт их формальному столкновению лукаво иронический смысл. Так, идиллический весенний пейзаж, сочетающий свежие краски цветущих лугов с мелодичными звуками пастушьей свирели, отражается в «перевёрнутом» восприятии ревнивых мужей, которым буйство пробуждённой от сна природы внушает мрачные опасения за добродетель дорогих «половин»: *«Ку-ку! Ку-ку! Опасный звук! / Приводит он мужей в испуг»* (V. II) [Шекспир 1958: 511] – *«Cuckoo, cuckoo: O word of fear, / Unpleasing to a married ear!»* [Shakespeare 1994: 244]. На этом фоне суровая зима таит в себе меньше скрытых угроз. Сопровождающие её «неудобства» заметны каждому, зато и старческое бессилие, приходящее на смену «майской» игре страстей, не заглушает голоса мудрости: его не пугают фантомы испуганного воображения. «Зимняя»

² От англ. *pageant* – средневековая «подвижная сцена», пышное зрелище, процессия, инсценировка (в том числе – исторического события).

мудрость, однако, является не в очищенном облике философской учёности, а в комически-амбивалентной форме здравого смысла, который подсказывает, что достойная награда (в виде «жирной» похлёбки) в итоге сезона (и всей человеческой жизни) ожидает лишь тех, кто, подчиняясь естественной необходимости, честно делает свое дело невзирая на лютый мороз. Эта мудрость довольствуется простыми, наглядными истинами, в то время как учёные назидания деревенского пастора застревают в простуженном горле оратора и глохнут в морозном воздухе, не доходя до тех, кому они предназначены.

В то же время итоговый смысл парного стихотворения не сводится к признанию амбивалентности каждого времени года (и каждой поры человеческой жизни). Между частями диптиха, помимо статично-зеркальной зависимости, устанавливается ещё и сквозная динамическая связь. Механизм этой связи определяется тем, что классический параллелизм природного и человеческого получает характерную для Ренессанса форму прямой «антропологической» проекции на физический мир. Течение человеческой жизни (от «майского» буйства страстей до «зимнего» холода старости) становится универсальной моделью природного бытия, вытесняющей традиционный обрядово-фольклорный сюжет о победе весны (светлых сил) над зимой. Именно за зимой, по словам Нортропа Фрая, остаётся «последнее слово» в песенном диптихе [Frye 1965: 122]. Всё это вместе ведёт к повышению ценностного статуса Зимы как естественного финала индивидуального (и природного) жизненного цикла, не отменяя амбивалентного характера «зимних» ценностей.

«Холодная» мудрость может стать преимуществом зрелого возраста только в том случае, если служит итогом предшествующего – «весеннего» опыта, а не попыткой избежать его тягот, перепрыгнув через необходимый жизненный этап. В противном случае она превращается в самопародию, реализуясь как преждевременное бесплодие учёного разума или как эгоистический «старческий» ум, озабоченный материальным достатком и чуждый возвышенных устремлений. Как поётся в песне Софы: «У-гу! У-гу! Приятный зов, / Коль сун у толстой Джен готов» (V.II) [Шекспир 1958: 511] – «*Tu-whit; / Tu-who, a merry note, / While greasy Joan doth keel the pot*» [Shakespeare 1994: 244].

Окольным путём Шекспир возвращается к вергилиевской – гармонизирующей модели поэтического спора, но при этом «наращивает» её смысловую глубину за счёт опоры на переос-

мысленные календарные архетипы. В пении птиц он стремится обнаружить не только потенциальное согласие частных позиций двух индивидов, но и гармонию универсальных противоположностей природного бытия. Весна и Зима хороши – каждая на своём месте и в свою пору. Мудрость состоит не в отрицании одной из крайностей и не в слепом подчинении чередующимся «сезонам» человеческой жизни. Она – в умении прожить «свой сезон», не упуская из виду целого: как в индивидуальной, так и в космической (или общественной) перспективе.

Преобладание этого, ренессансного типа гармонии, отражается в поэтике шекспировских песен. Спор времён года и «победа» Зимы здесь не исключают самостоятельности каждой «сезонной» картинки, обладающей собственной образной «логикой» и при этом включённой в динамику целого. Именно в силу отмеченной динамической связи юмористическое снижение идиллических топосов (комический «испут» мнимых и истинных рогоносцев, различающих в тоне кукушки насмешку над браком, и «жирная Джоан», служащая «божеством» зимнего очага) вполне уживается с их поэтической идеализацией.

Укоренённый в фольклорных архетипах и восходящий к античной традиции образный ряд, использованный в «Словопрении» Алкуина и в шекспировских песнях Кукушки и Совы, сохранит значение и в дальнейшем, включаясь в новые смысловые связи, но не теряя опоры в литературной традиции – хранительнице универсальных форм художественного мышления. В русской литературе XIX века обрядовая тема соперничества враждебных времён года, в частности, получит хрестоматийное продолжение в поэзии Ф. И. Тютчева («Зима недаром злится...», 1836), что обеспечит ей триумфальное возвращение в стихию школьной классики, таящей в себе не всегда очевидные историко-литературные подтексты и культурные «срезы».

ЛИТЕРАТУРА

- Алкуин, 2006, *Словопрение Весны с Зимой* // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. – Москва: Наука. – С. 125–126.
- Вергилий Марон Публий, 2000, *Эклога III* // Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида: Пер. с лат. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: Фолио. – С. 32–38.

- Гаспаров М. Л., 2006, *Алкуин // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века / Отв. ред. М. Л. Гаспаров.* – Москва: Наука. – С. 118–119.
- Кереселидзе Л. З., 1980, *Ренессансная концепция комедии «Бесплодные усилия любви» Шекспира:* Автореф. дис. канд. филол. наук. – Тбилиси. – 31 с.
- Ненарокова М. Р., 2012, *Каролингская эклога: теория и история жанра:* [монография]. – М.: ИМЛИ РАН. – 415 с.
- Чеснокова Т. Г., 2001, *Пушкин и Шекспир: «странные сближения» // В спорах о Пушкине: Научные чтения / Отв. ред. А. А. Чернявская.* – Москва: Изд-во РАГС. – С. 79–92.
- Чеснокова Т. Г., 2000, *Шекспир и пасторальная традиция английского Возрождения: пасторальные мотивы в комедиях У. Шекспира.* – Москва: МАКС Пресс. – 216 с.
- Шекспир У., 1958, *Бесплодные усилия любви // Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста.* – Москва: Искусство. – Т. 2. – С. 393–512.
- Cooper, H., 1977, *Pastoral: Mediaeval into Renaissance.* – Ipswich: Brewer; Totowa: Rowman & Littlefield. – P. 257.
- Frye, N., 1965, *A Natural Perspective. The Development of Shakespearean Comedy and Romance.* – New York, London: Columbia UP. – P. 159.
- The Latin Library [Электронный ресурс]. Дата создания: 22.08.2000 [дата обращения: 05.04.2015]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/>
- Lenam T., 1973, *The Ventricle of Memory: Wit and Wisdom in «Love's Labour's Lost» // Shakespeare Quarterly.* – Vol. 24. – No 1. – P. 54–60.
- Shakespeare W., 1994, *Love's Labour's Lost // Shakespeare W. The Complete Works.* – Ware: Cumberland House. – P. 213–244.

The Debate of Seasons in Mediaeval and Renaissance European Literature: Alcuin and Shakespeare

Abstract. The author focuses on the motif of the debate of seasons as it is realized in *Conflictus Veris et Hiemis* (*The Contention of Spring and Winter*) by Alcuin and the final lyrical fragments of Shakespeare's comedy *Love's Labour's Lost*. The comparative study is based on the methodology of historical poetics.

Rooted in folklore archetypes, the debate of seasons came into mediaeval literature through the medium of Latin eclogue of the Carolingian Renaissance. The way of learned debate to the folklore "contention" was fulfilled against the background of the close attachment of Latin school poetry (not alien to the panegyrist objects) to the cultural policy of Karl's monarchy. Starting with the contention motifs, found in Vergil's Eclogue III, the Carolingian author adapted its "peacemaking" structure to the current tasks of the state, court and the glorification of their first persons, which subdued the contention motif to that of the ritual expel of the powers of darkness from the pastoral community. Unambiguity of the Spring's victory over Winter was

strengthened by the recurrence of rigid ritual oppositions that differed from classical Roman intelligent peacemaking ideal.

Having originated from the interrelated elements of court and school culture, Alcuin's eclogue contributed to further expansion of the debate motif in mediaeval poetry, which gave a basis for its mock use in the new cultural environment, the example of which being the lyrical final lines of Shakespeare's comedy *Love's Labour's Lost*, ended in a roll-call of seasons' songs.

In Alcuin's *Contention*, the debate constituted the central part of the work. In Shakespeare's comedy, it moved to the periphery of dramatic structure as its "inserted" lyrical element, yet retained connection with the former intellectual core: the theme of the "lost" efforts to conquer time. The roughness of folklore abuse was replaced by formal idyllic balance, complicated by ironic polysemy, whereas decorative allegory of the *Contention* gave place to metaphoric imagery, concentrated around Renaissance "anthropological" metaphor of the universe.

The archetypal motif of seasons' contest retained its literary significance beyond the boundaries of lyrical-dramatic traditions of the Renaissance. In Russian poetry, it reappeared in F. Tyutchev's "Zima nedarom zlitsya...", which later gained the reputation of a piece of "school classics", as it contained a new version of the old pattern.

Keywords: poetic debate, motif, archetype, Vergil, Alcuin, Shakespeare.

REFERENCES

- Alcuin, 2006. *Slovoprenie Vesny s Zimoj* // Pamjatniki srednevekovoj latinskoj literatury VIII–IX veka / Otv. red. M.L. Gasparov. – Moskva: Nauka. – P. 118–126.
- Vergilij Maron Publij, 2000. *Jekloga III* // Vergilij Publij Maron. Bukoliki. Georgiki. Jeneida: Per. s lat. – M.: OOO "Izd-vo AST"; Har'kov: Folio. – P. 32–38.
- Gasparov M.L., 2006, *Alcuin* // Pamjatniki srednevekovoj latinskoj literatury VIII–IX veka / Otv. red. M.L. Gasparov. – Moskva: Nauka. – P. 118–119.
- Kereselidze L.Z., 1980. *Renessansnaja koncepcija komedii "Besplodnye usilija ljubvi" Shekspira*: Avtoref. dis. kand. filol. nauk. – Tbilisi. – P. 31.
- Nenarokova M.R., 2012, *Karolingskaja jekloga: teorija i istorija zhanra*: [monography]. – M.: IMLI RAN. – P. 415.
- Pamjatniki srednevekovoj latinskoj literatury VIII–IX veka / Otv. red. M. L. Gasparov. – Moskva: Nauka, 2006. – P. 479.
- Chesnokova T.G., 2001. *Pushkin i Shekspir: «strannye sblizhenija»* // V sporah o Pushkine: Nauchnye chtenija / Otv. red. A.A. Chernjavskaja. – Moskva: Izd-vo RAGS. – P. 79–92.

- Chesnokova T.G., 2000. *Shekspir i pastoral'naja tradicija anglijskogo Vozrozhdenija: pastoral'nye motivy v komedijah U. Shekspira*. – Moskva: MAKS Press. – P. 216.
- Shekspir U., 1958. *Besplodnye usilija ljubvi* // Shekspir U. Poln. sobr. soch.: V 8 t. / Pod obshh. red. A. Smirnova i A. Aniksta. – Moskva: Iskuststvo. – T. 2. – P. 393–512.
- Cooper, H., 1977, *Pastoral: Mediaeval into Renaissance*. – Ipswich: Brewer; Totowa: Rowman & Littlefield. – P. 257.
- Frye, N., 1965, *A Natural Perspective. The Development of Shakespearean Comedy and Romance*. – New York, London: Columbia UP. – P. 159.
- The Latin Library [Electronic resource]. Date of creation: 22.08.2000 [accessed on: 05.04.2015]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/>
- Lennam T., 1973. *The Ventricle of Memory: Wit and Wisdom in «Love's Labour's Lost»* // *Shakespeare Quarterly*. – Vol. 24. – No. 1. – P. 54–60.
- Shakespeare W., 1994. *Love's Labour's Lost* // Shakespeare W. *The Complete Works*. – Ware: Cumberland House. – P. 213–244.